СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Тата Кит
КаМаЗ и Ч.М.О.

Тата Кит
КаМаЗ и Ч.М.О.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70400611
SelfPub; 2024

Аннотация

Последний месяц года обещал стать для меня самым счастливым и романтичным: обручальное кольцо, фейерверк, свадебное путешествие. Но всё пошло не по плану, когда мой любимый человек сделал предложение… не мне. Именно с этого дня я, сама того не желая, узнала новую жизнь с мужчиной, которого на дух не переносила с первого дня нашего знакомства – суровый, нелюдимый майор полиции по прозвищу Камаз. Теперь вместо обручального кольца на мне наручники, вместо фейерверка я вынимаю из пятой точки Камаза осколки стекла, а вместо свадебного путешествия я бегаю по городскому парку от маньяка.

Содержание

Глава 1. Маруся 4
Глава 2. Маруся 10
Глава 3. Михаил 17
Глава 4. Михаил 40
Глава 5. Маруся 56
Глава 6. Маруся 74
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Тата Кит
КаМаЗ и Ч.М.О.

Глава 1. Маруся

Больно смотреть на губы любимого, на которых видишь следы чужой помады. Но еще больнее видеть испещренные морщинами губы директрисы, на которых за шестьдесят лет она так и не смогла найти контур и поэтому мазала помаду, как придется, просто нащупав отверстие, из которого прямо сейчас исходил укор за укором.

– Я сколько раз говорила вам, Марина Олеговна, не делать из мухи слона?! – задала Анна Ивановна очередной вопрос, наконец, закончив втирать в губы сухую красную помаду. Небольшой красный штрих на зубах она тоже не забыла оставить. – Кто вам сказал, что голову скелета украл именно сын Кострова?

– Череп, – уточнила я машинально. – И именно сын Кострова на прошлой неделе уже выносил его из моего кабинета, чтобы поиграть им в спортзале в боулинг.

– Вы со своим… скелетом, Марина Олеговна, вытрепали школе все нервы! Сдался он вам? – директриса швырнула помаду в свою сумочку и плюхнулась в кожаное кресло, чтобы в очередной раз посмотреть на меня из него свысока. – И

что вы хотите от меня?

– Я хочу, чтобы вы поговорили с Костровым и его отцом. Очевидно, мои просьбы он не понимает. Кстати, отцу Кострова я уже позвонила. Он едет сюда.

– Конечно, она уже позвонила! – всплеснула руками Анна Ивановна и хлопнула ладонями по столу, отчего мои глаза непроизвольно моргнули. – До вас, Марина Олеговна, в нашей школе не было ни одной проблемы с этим скелетом. До вас в нашей школе, вообще, проблем никаких не было.

– Кондратий.

– Что? – поморщилась женщина.

– Скелета Кондратием зовут. Елена Владимировна, когда мне его передавала, сказала, что его зовут Кондратий.

– Это меня скоро Кондратий хватит. Скелет у нее Кондратий… – Анна Ивановна глубоко вдохнула и, оттопырив мизинцы, начала массировать виски указательными пальцами.

Стоя перед ней, как школьница, я ждала, когда она закончит свою медитацию и продолжит на меня кричать. Честно говоря, не помню, чтобы она хоть с кем-то в своем кабинете разговаривала нормальным тоном. Разве что с завучем, и то только потому, что та тоже могла накричать на нее в ответ.

Присесть мне, разумеется, никто не предложил. В этой школе я новичок и один из самых молодых педагогов, так что о том, что такое дедовщина среди учителей я знаю не понаслышке. Меня охотнее принимают за декор кабинета, который мне выделили, нежели за полноценную коллегу. На меня

даже подготовку предстоящей новогодней ёлки для школьников скинули, потому что больше никто этим заниматься перед праздниками не хотел, а меня никому не жалко, да и не положено мне иметь никаких планов, пока я не завоюю почетное звание – учитель. Пока что для всех я «эта из биологии, в очках».

Стук в дверь нарушил тишину.

– Можно? – чисто формально спросил отец Кострова и вошёл в кабинет.

– Здравствуйте, Михаил Захарович, – тут же по струнке выпрямилась Анна Ивановна, приветствуя родителя главного хулигана школы. – Спасибо, что нашли время заехать к нам. Присаживайтесь…

– Что на этот раз? – хмуро перебил директрису мужчина, не спеша садиться. Острый взгляд серых глаз перешел с лица Анны Ивановны ко мне. И, наверное, благодаря исключительно нечеловеческой силе воли отец Кострова не закатил глаза, увидев меня второй раз за эту неделю.

– Да, пустяки, – махнула Анна Ивановна рукой и нервно усмехнулась, едва я успела открыть рот, чтобы ответить.

– Вы выдернули меня с работы ради пустяка? – стал мужчина еще более хмурым и злым.

«Оборотень в погонах» – в очередной раз подумала я про него. Не может человек с такой внешностью быть тем, кто закон охраняет. Он может быть только тем, кто его нарушает, и нарушает регулярно. И сына таким же воспитал.

– Ваш сын украл из моего кабинета череп Кондратия, – выдала я как на духу.

– Череп… кого? – снова обратил Костров на меня своё внимание.

– Череп скелета из моего кабинета. Будьте добры, верните его.

– У вас есть доказательства того, что это сделал именно мой сын? – повернулся ко мне родитель, совершенно игнорируя директрису, которая пыталась сгладить ситуацию улыбкой Джокера.

– Нет. Но больше некому, – гордо вскинула я подбородок и бесстрашно заглянула в серые глаза мужчины. Не знаю, как ему удалось запугать и одновременно очаровать учителей всей школы, но лично я его ни капли не боялась и уж точно не считала очаровательным.

– Доказательства есть? – с нажимом вопросил Костров и сделал шаг ко мне. Навис надо мной грозовой тучей и, видимо, ждал, когда я сама от страха намочу штанишки.

– Мы на допросе?

– Хотите, чтобы я устроил вам допрос? – спросил мужчина вкрадчиво.

– Вы захватили с собой паяльник?

– Марина Олеговна! – задохнулась возмущением директриса.

На мгновение на лице Кострова отразилось замешательство и удивление. Так-то! Получай!

Никто не сможет мне сегодня испортить настроение, потому вечером меня ждёт свидание с моим Витюшей и выходные с ним же. Я надеюсь.

– Без ректальной стимуляции вы не так разговорчивы? – не остался в долгу Костров. Уголок его губ при этом слегка изогнулся. Мужчина резко глянул вниз, туда, где у меня должна быть грудь и снова в глаза. – Выньте руки из-за спины, Марина Олеговна. Я предпочитаю вас менее болтливой.

– А я не спрашивала вас о ваших предпочтениях, Михаил Захарович. Верните череп Кондратия в мой кабинет. Это государственное имущество, – смотрела я прямо в его глаза, но руки, всё же, из-за спины убрала и скрестила их на груди, подсознательно боясь, что он может надеть на них наручники.

– Следите за словами. Либо докажите, что это сделал мой сын, либо наймите меня в качестве частного детектива, и тогда я найду череп вашего Кондратия, – цедил холодно мужчина.

– Нанять вас?! – вскинула я брови так лихо, что аж очки на переносице подпрыгнули. – Чтобы вы, имея прямой доступ к расследованию, скрыли улики против вашего сына? Нет уж, спасибо! Сами как-нибудь… К тому же, Михаил Захарович, разве вы не должны быть в форме, как положено настоящим полицейским? Ну, знаете, как в фильмах показывают? Хотя, о чем-то это я? Наверное, в тех фильмах любой фальшивый полицейский гораздо более квалифицированный поли-

цейский, чем вы.

– Марина Олеговна! – уже перешла на фальцет Анна Ивановна.

– Марина Олеговна, разве на вас не должно быть узкой юбки и не застегнутой сверху блузки, как положено настоящим учительницам? Ну, знаете, как в фильмах? – не остался в долгу Костров. – Хотя, я, наверное, не те фильмы смотрел? Но что-то мне подсказывает, что знания у тех учительниц гораздо *глубже* ваших.

– Как остроумно! – сгримасничала я.

– Марина Олеговна! – откровенно кричала на меня директриса. – Кажется, вам пора на урок.

– Только из уважения к ученикам, – бросила я напоследок, давая им понять, что это не они меня выгнали, а я сама ушла.

– И жду от вас сценарий новогодней ёлки в понедельник! – крикнула мне вдогонку Анна Ивановна.

– Хорошо.

– Михаил Захарович, я бы еще хотела с вами обсудить спонсорскую помощь по новогодним подаркам… – защебетала Анна Ивановна, едва успела закрыть за собой дверь.

Глава 2. Маруся

Сразу после школы я пулей полетела домой. Ни гололед, ни снегопад, ни конфликт с папашей Кострова не смогли погасить мой настрой на этот вечер, который обещает быть самым значимым в моей жизни.

Витя сказал, что хочет обсудить предложение. В этот момент, стоило мне услышать слово «предложение» в трубке телефона, моё сердце готово было выпорхнуть из груди и улететь в небо.

Да, мы расстались с Витей по его инициативе почти полгода назад (а если быть точнее – пять месяцев и шестнадцать дней), но в глубине души я не переставала верить в то, что он признает свою ошибку и вернется ко мне. И вот – он возвращается! Да не просто так, а с предложением. Тем самым!

Новая косметика, пахнущая так, будто её сотворили из самых лучших цветов и фруктов; новое белье из умопомрачительно тонкого и мягкого кружева; платье, на которое я копила с зарплаты почти полгода, и невероятные сапожки на высоком каблуке, в которых мои ноги, казались бесконечными. Укладка, чулки, маникюр, пальто, которое было совсем не по погоде, но зато красиво сочеталось с платьем и сапожками. Сегодня я точно не замёрзну – Витя меня согреет.

На удачу улыбнулась своему отражению, поправила напоследок прическу, послала сама себе воздушный поцелуйчик

и окрыленная спустилась к такси, которое домчало меня до бара-ресторана.

Странный выбор заведения для того, чтобы сделать своей любимой девушке предложение. Ну, да ладно, дареному коню…

Вошла в помещение, дождалась, когда отпотеют очки и, окинув зал взглядом, сразу увидела Витю. Моё появление он не заметил просто потому, что с самой милой улыбкой на свете разглядывал кольцо в синей коробочке.

Моё сердце чуть вновь не выпрыгнуло из груди. Разве можно влюбляться в человека снова и снова и с каждым разом только сильнее? Возможно! Когда любишь, возможно всё!

Усмирив своё дыхание и сердцебиение, чтобы вместо приветствия сразу не выпалить «Да! Я согласна!», я грациозной походкой пошла к столику, за которым сидел Витя. И плевать, что в вечернем заведении полно людей, решивших скоротать время за пивом и закусками, я видела только своего мужчину, на фоне которого меркли все остальные.

Словно почувствовав моё приближение, Витя поднял взгляд, увидел меня и как воришка торопливо запрятал коробочку с кольцом в карман пиджака.

Ну, нельзя быть настолько милым!

– Привет! – поприветствовала я его первой. Голос вышел писклявым, вероятно оттого, что мне на самом деле хотелось пищать и поскорее примерить колечко.

– Привет, Марин, – привстал Витя и подождал, когда я сяду напротив него за стол. – Ты сегодня какая-то другая, – произнес он, разглядывая меня с неподдельным восхищением и любопытством.

– Какая? – вопросила я кокетливо и поправила волосы, накрутив на палец локон.

– Необычная. Будто весна пришла.

– Спасибо, – ответила я смущенно, а у самой взгляд, то и дело, падал на карман с кольцом. – Ты сегодня тоже при параде. Особенный повод?

– Вроде того, – Витя немного распахнул пиджак и подался вперед, оперевшись локтями о стол между нами.

– Добрый вечер! Вы готовы сделать заказ? – появилась над нами официантка ровно в тот момент, когда мы с ним установили контакт глаз.

– Эм… мне, пожалуйста, кофе. Капучино, – бросила я первое, что пришло в голову.

– И мне, – словно на автомате ответил Витя. Он тоже был не рад тому, что нас отвлекли. Как же я его понимаю!

– На чем мы остановились? – спросила я и положила руки на стол, чтобы Витя мог переплести наши пальцы и сказать самые важные слова в моей жизни.

– Марина, – выдохнул любимый решительно и заглянул мне в глаза. – Мы расстались с тобой полгода назад, но я очень рад, что, несмотря на это, мы смогли сохранить хорошие отношения и даже стать друзьями…

– Я тоже! – едва могла я усидеть на одном месте. Улыбка моя была настолько широкой, что почти заправлялась за уши.

– Поэтому, кому, если не своему лучшему другу, я могу доверить свою самую большую тайну?

– Только мне! – трясла я головой, готовясь на весь ресторан крикнуть «Да!», когда Витя потянулся к карману за кольцом.

– Марина, я хочу сделать предложение…

– Да! – крикнула я, вероятно, привлекая к нам внимание всех.

И плевать! Я счастлива! Сегодня мой особенный день, мой праздник!

– …Элле, – закончил предложение Витя, а я поняла, что не такой финал я ждала. Совсем не такой.

– Элле? – переспросила я, надеясь на то, что неправильно расслышала своё имя.

– Да, Элле, – согласно и очень воодушевленно продолжил Витя. – Помнишь, я пару месяцев назад рассказывал тебе, что познакомился с девушкой? – вяло кивнула в ответ, пытаясь понять, шутит ли он и к чему, вообще, ведется этот разговор, если предложение и кольцо должны быть предназначены только для меня. – Так вот, Марина, я хочу сделать ей предложение. Завтра. Вот кольцо, – вынул из кармана синюю коробочку, открыл ее и словно подразнил меня. – Красивое, правда?

– Очень, – проскрипела я едва слышно.

Хотелось утопиться в тарелке супа, который хлебал мужчина за соседним столиком, но вместо этого приходилось сохранять на лице улыбку и делать вид, что я искренно рада за своего друга, к которому до сих пор испытываю отнюдь не дружеские чувства.

– Элла невероятная! – восхищение и ментальные лобызания в Витиных интонациях заставили меня почувствовать тошноту. – Знаешь, мне кажется, я её всю жизнь ждал.

– Я очень рада за вас, – смогла я выдавить гораздо больше, чем одно слово и совсем не то, что крутилось в моей голове и грозилось сорваться с кончика языка. – А мне ты об этом зачем говоришь и в такой обстановке? Мог бы и смс написать, у меня, вообще-то, тоже дела есть, – сопела я обиженно, мечтая как можно скорее оказаться дома и вдоволь нарыдаться в подушку.

– Я соскучился по тебе. Давно не виделись. Как дела? Как школа? Нравится?

– Очень, – выронила я едва слышно. Дрожащей рукой поправила очки, глубоко вдохнула и даже снова смогла натянуть улыбку, от которой, правда, самой было тошно.

Неужели я настолько хорошо играла роль подруги, что он поверил в то, что спустя шесть лет серьёзных отношений мы можем быть с ним просто друзьями? А любовь-то, которая у меня всё ещё к нему есть, куда я должна запихнуть? В задницу его Элле?

– А какие у тебя дела, кстати? – поинтересовался Витя. – С кем-то встречаешься?

– С мужчиной. У меня свидание, – врала я и даже не думала краснеть. Разве что от злости и ревности.

– Надо же! – удивился Витя. – Я думал, ты еще долго никого не найдешь после меня.

– А я вот нашла, – развела я руками и даже нашла в себе силы для того, чтобы посмеяться.

– И кто он? Я его знаю?

– Костров, – выпалила я первое, что пришло в голову. Вдруг, Витя захочет побить его. Или Костров Витю. Маловероятно, конечно, но мне был бы приятен любой расклад. – Михаил Костров. Ты его не знаешь.

– Ваш кофе, – возникла официанта и поставила перед нами напитки. – Ещё что-нибудь желаете?

– Пока нет. Я спешу, – ответил Витя и торопливо ответил на звонок. – Да, Эллечка…

Кислую мину пришлось спрятать за чашкой кофе, который приходилось глотать вместе со слезами, пока Витя нежно щебетал со своей будущей невестой. Даже хорошо, что от пара, поднимающегося от горячего кофе, запотевали очки – так хотя бы не видно, что у меня раскраснелись глаза, как при борьбе с запором.

– Слушай, Марин, – закончил Витя разговор и обратился ко мне, пряча в карман телефон и кольцо, которое могло бы быть моим и должно быть моим. – Эля попросила забрать ее

с работы. Я, наверное, поеду. Сама понимаешь, почти конец декабря, холодно. Не хотел бы, чтобы она мерзла на остановке.

А я вот мерзла. И еще тащила на себе пакеты с продуктами, возвращаясь в нашу съемную квартиру после учебы и работы, где Витя меня даже у порога не встречал, так как был занят поиском себя за компьютером.

Козёл!

– Иди, конечно, – снова выдавила я улыбку. – Я всё понимаю.

– Ну, тогда пока. Жди приглашения на свадьбу.

– Угу, – кивнула я, едва шевельнув головой.

Витя козликом ускакал встречать свою Эллу, а я осталась сидеть одна за столиком в баре-ресторане и во всей красе встречать очередной раунд своего разбитого сердца. И это накануне Нового года. Отличное завершение дня и года, ничего не скажешь.

– Простите, ваш спутник ушёл и не оплатил по счёту, – материализовалась рядом со мной официантка, которая, похоже, уже давно что-то мне говорила, но я не слышала. – Вы будете платить по счёту сейчас или закажете что-то еще?

– Скажите, а у вас есть водка?

Глава 3. Михаил

– Чё такой загруженный? Опять неделька на износ? – вместо приветствия поинтересовался только что пришедший Сергеевич. Накинул свой пуховик на спинку стула и сел рядом со мной, поочередно пожав мне и Сане руки.

– Да ладно неделька, – хохотнул Саня, который уже был в курсе дела. – Его опять биологичка затрахала.

– Чё, опять вызывала в школу? – хохотнул Сергеевич. – Так может, ты её уже трахнешь сам и по-настоящему, да баба успокоиться? А-то с начала года вызывает тебя, как проститутку, по каждому чиху малого в ее кабинете.

– Ты её видел?! – глянул я на друга. – Я только рыпнусь к ней, и она мне, на хрен, глотку своими очками перережет.

– Она ещё и очкастая? – присвистнул Сергеевич. – Как всё запущенно, однако. А лет-то ей сколько? Ну, чтобы знать уровень недотраха.

– Да хрен знает, – пожал я плечами. – Что-то между двадцатью и сорокетом.

– Это как?

– Это видеть надо. Там за бараньими завитками, веснушками и очками в пол лица, вообще, хрен что определишь. По бабкиной одежде ей точно за сорок.

– Пожалуй, такое трахать не стоит, – поморщился Сергеевич.

– Я о том же.

– Готовы сделать заказ? – подошла к нам девочка-официантка, которую чуть ранее мы просили подождать, когда к нам присоединиться третий.

– Готовы, – не глядя в меню ответил Сергеевич и в приятном предвкушении почесал круглое пузо. – Значит так, красавица, нам ребрышки-гриль – три порции; жареной картошечки с грибами – три порции; сырную тарелку – обязательно, и порцию жареных крылышек. А вы, мужики, что будете?

– Будем смотреть, как твоя харя по швам треснет, – произнес Саня.

– И пиво, – добавил Сергеевич. – Неси три большие кружки светлого.

– Мне безалкогольное, – уточнил я.

– Язва, что ли, зачесалась?

– Я за рулём, да и малого надо будет у родителей забрать.

– Ясно, трезвенник, – разочаровано махнул на меня Сергеевич и снова обратил всё свое внимание на официантке. – Ну, ты поняла, какая у нас тут ситуация?

– Поняла, – не отрываясь от блокнота, кивнула девчонка, успевая записывать наш заказ.

– Тогда неси. За добавкой – позовём. Только далеко не уходи, добавка нам скоро понадобится.

Где-то через полчаса нам принесли всё, что заказал Сергеевич. И это всё едва влезло на стол.

– Эх, надо было еще блюдо мясника заказать, – поджал

Сергеевич губы. – Там такая нарезка, мужики…!

– У тебя сегодня точно рожа по бару разлетится, – хохотнул Саня.

– Что там по нашему маньяку? Есть что новое? – оперся Сергеевич о стол, когда понял, что вторая порция ребрышек в него пока не влезет.

– Спугнули мы его тогда хорошо. Жалко, конечно, что не успели взять, – отёр Саня рот салфеткой. – Но зато он сейчас залёг на дно. Уже почти месяц о нем ничего не слышно.

– Скоро вылезет, – предположил я. – Месяц тишины. С его предыдущими эпизодами – это для него многовато. Пора ставить наблюдение по городу и подкидывать «утку».

– Тоже об этом думал. Долго для него. Один хрен должен вылезти, но теперь будет еще осторожнее, что усложняет нам его поимку, – включился Сергеевич в наш разговор. – Только «утку», Камаз, нужно такую, чтобы по ней не было видно, что она мент.

– Где ты найдешь гражданскую, которая добровольно пойдет наживкой для маньяка? – спросил я скептически.

– Да любую бери. Хоть из бара этого. Кидай в парк и не говори зачем.

– Ага, вон ту, например, – усмехнулся Саня и кивнул в сторону барной стойки, на которую взбиралась какая-то пьяная вусмерть баба с микрофоном в руке.

– Она в мясо. Какая из нее, на хрен, наживка? – поморщился я.

– Чем тебе мясо – не наживка? – заржал Сергеевич.

В одно мгновение у всех посетителей бара чуть не лопнули барабанные перепонки, когда баба на стойке запела во всю плаксивую глотку:

– Я так привыкла жить одним тобой…

– Ох-йо! – смачно шлепнул себя Сергеевич по лицу. – Разведенка, походу. Это надолго.

К концу куплета, когда я начал жалеть о том, что не прихватил с собой табельное, чтобы шмальнуть по живой мишени, в этой «разведенке» я неожиданно для самого себя узнал биологичку своего сына.

Она и здесь меня достала…

Зажав зубами зубочистку, старался смотреть куда угодно, только не туда, где на барной стойке под улюлюкание не менее пьяных мужиков танцевала и пела биологичка моего сына.

– Во даёт! – хохотнул Сергеевич, что невольно заставило меня глянуть в сторону бара, где шальная императрица Олеговна каблуком в лоб оттолкнула очередного типа, желающего поймать ее за коленки. – А говорят, что пьяная баба своей… красе не хозяйка. Смотри, как отбивается.

Странно, что у нее, вообще, есть силы на то, чтобы отбиваться. Она микрофон-то держала едва-едва, но каким-то образом смогла оттолкнуть от себя сального борова.

– А ты что, Камаз, злой такой? Бывшая? – мотнул Саня головой в сторону бара.

– Это та биологичка, – ответил я и, пока мужики присвистывали и ржали одновременно, я языком перекатил зубочистку из одного угла губ в другой.

– Так и хер ли ты сидишь?! – возмутился Сергеевич. – Включай камеру, снимай компромат. Еще раз вызовет тебя, ты ей видос под нос, и твой Тёмка сразу нормальным пацаном для нее станет.

– Делать мне больше нехер, – фыркнул я, дёрнув плечами, и снова отвернулся к окну.

Когда-то же эта песня должна кончиться, нет?

– А что ты говорил, что ей между двадцатью и сорокетом? – спросил Саня. – Нормальная она. Вроде. Ну, больше тридцати точно не дашь. Смотри, какие ножки. В чулках еще, походу…

Нервно размял шею, не желая, слушать, знать или видеть хоть что-то связанное с любой учительницей моего сына, а особенно с биологичкой, безбожно вытрахавшей все мои нервы за неполные четыре месяца.

– Камаз, не хочешь снимать компромат на училку, так хоть с барки ее сними. А-то на ее зеленое платье мужики уже столько своих шаров повесили, что как бы ей потом лечиться от чего не пришлось, – подначивал меня Сергеевич.

Снова посмотрел в сторону поющей училки. Один из почитателей её «таланта» тоже просёк, что на ней чулки и достаточно активно пытался влезть рукой в разрез платья тысячерублевой купюрой.

– Может, у нее так каждый вечер пятницы проходит? Нахрена я-то туда полезу?

– Не хочешь сам лезть, скажи бармену, чтобы смахнул ее как крошку со стола. Ну, дура же пьяная. Да и видно по ней, что не злоупотребляет она алкашкой. Сейчас натворит или вляпается куда по-пьяни, – размышлял вслух Сергеевич. – Ладно. Сам её стащу, – решительно встал друг.

– Сиди, – положил я ему руку на плечо и посадил обратно на стул.

Вышел из-за стола и прямой наводкой направился к стойке, где училка отпихивала очередного «ухажера», подошедшего к ней слишком близко.

Песня закончилась, но Марина Олеговна не спешила спрыгивать с барки или отдавать микрофон кому-то еще. Похоже, я попал на сольный концерт вянущих ушей, что щедро раздавала биологичка моего сына.

– Иди ко мне, красавица! У нас еще осталось выпить и закусить! – тянуло к ней лапы пузо в свитере.

– Я не закусываю, – весьма уверенно и даже высокомерно заявила училка, поправив очки на переносице. Осоловелым взглядом прошлась по толпе своих «фанатов», в которой теперь, какого-то хрена, стоял я, и застопорилась, когда, очевидно, мое лицо показалось ей знакомым.

– О! – выронила она смачно в микрофон вместе с отрыжкой и указала на меня пальцем. – Поцелуйский! По-це… поли-це… Полицейский! И что вам от меня нужно, м? Прие-

хали поглумиться? Шутки свои дурацкие пошутить?…

– Это ваша девушка? – спросил меня между делом бармен, пока училка от пения перешла к стендапу.

– Это? – дернул я скептически бровями, мазнув взглядом по зеленому платью и торчащим из выреза деньгам. – Сплюнь.

– Просто она всё еще не оплатила по счёту. Сумка и паспорт её тогда останутся у нас до момента оплаты…

– Сколько там? – достал я карту, уже откровенно психую, так как бармен привлек слишком много внимания посетителей ко мне.

– Вот, – вдруг над головой разлетелись купюры, что Марина Олеговна вытащила из-за оторочки чулок и щедро посыпала им бармена. – За себя я могу заплатить сама.

Гордая и неприступная Олеговна грациозно шагнула прочь от меня и промахнулась ногой мимо стойки, начиная падать.

Пришлось ловить, а потом отдирать ее от стойки, когда она снова попыталась на нее забраться.

– Откуда только столько сил берется? – ворчал я, обхватив ее талия, пока, как дедка за репку пытался стащить ее с личной сцены.

Тощая такая и резвая, что Смерть с косой на ее фоне – упитанная монашка.

– Я еще не всё сказала этим людям! – кричала Олеговна, пока я запаковывал ее в ее же пальто. – Думаете, раз вы за-

пугали всю школу, то эти люди тоже вас испугаются? – пыталась она поймать мой взгляд, пока ее глаза были в абсолютном расфокусе за толщей линз. – А вот и нет! Я всё им про вас расскажу! Оборотень!

– Здесь не хватает, – перекричал музыку бармен, который собрал и пересчитал купюры.

Сколько же ты выжрала, Олеговна? И куда всё это в тебя, блять, поместилось?

Стиснув зубы так, что случайно перекусил зубочистку, о которой уже и забыл, я перехватил брыкающуюся училку одной рукой, а второй приложил карту к протянутому мне терминалу.

– Спасибо! – крикнул бармен и отдал мне сумочку и паспорт Марины Олеговны, которая опасно приблизила свое лицо к моему, открыла и зубами перехватила половинку зубочистки.

– Куда, блять?! – рявкнул я в сердцах, и, как у пса, который на улице тянет в пасть всякую дрянь, вырвал из ее рта зубочистку, швырнув ее в сторону. – Подавишься, дура.

– Сами дурак! – надула та обидчиво губки и встала ровно, что позволило мне одеть ее в пальто.

Пришлось оставить ее на месте, чтобы вернуться к столику с моими парнями и забрать куртку. Сумку и паспорт я ей не оставил.

– Ну, ты, Камаз, и шустрый, – хохотнул Сергеевич. – Ее там окучивали, бабло за резинку чулок пихали, а ты ее одной

правой, и за собой.

– Если она заблюет мне машину, мыть будете вы оба.

– Займи ей чем-нибудь рот, пока везешь, – шутканул Саня. – И иди с бара её опять снимай.

– Твою мать! – рыкнул я.

Быстро надел куртку, закинул паспорт училки во внутренний карман и, прихватив сумочку, как мешок с картошкой, который был наполовину пуст, сгреб Олеговну с барки и вынес на улицу, где ее брыкающуюся закинул в свою машину.

– Я не поеду с вами в одной машине! – снова взбрыкнула училка, пытаясь через запотевшие линзы своих очков разглядеть, где открывается дверца машины. – И куда вы меня, вообще, везете?

– Домой тебя везу, – вырулил я с парковки.

– Откуда вы знаете, где я живу? Я вам не рассказывала. Вы следили за мной?

– Увижу большое скопление кошек, там тебя и оставлю.

– Я поняла! – пришлось слегка отклониться от лица Олеговны, чтобы она своим острым носом не проткнула мне щеку. – Вы это специально всё подстроили. Узнали, где я. Поняли, что я нахожусь в уязвимом положении, а теперь спрячете меня в каком-нибудь подвале, чтобы замести следы преступления вашего сына. Я вас насквозь вижу, Михаил Захарович. Только череп Кондратия я всё равно найду!

– Усади свою задницу и не лезь мне в лицо, когда я за рулём, – на светофоре пришлось вдавить ее в спинку кресла

и пристегнуть ремнем безопасности. Очень не хватало кляпа и смирительной рубашки, чтобы она перестала лапать салон моей машины и мое лицо, которое в темноте салона, она не могла разглядеть. – По месту прописки проживаешь?

– Да. Только я всё равно не скажу вам, где я прописана, – гордо отвернулась она к окну.

– Придется применить свои экстрасенсорные способности, – бросил я и, вынув из внутреннего кармана ее паспорт, нашёл страницу с пропиской, теперь точно зная, куда везти это пьяное чучело.

Хотя, сегодня она мало смахивала на то чучело, которое я привык видеть в ее обличии в школе. Каким-то чудом она смогла сменить стремные клетчатые и бабкины блузки на вполне себе сексуальное платье, по которому можно было понять, что у нее не только талия имеется, но и сиськи какие-никакие.

Но, вполне может быть, что картинка эта к полуночи превратиться в тыкву. Хотя бы потому, что, учитывая, сколько бухла она в себя впитала, уже совсем скоро ее вывернет наизнанку.

– А какую книгу вы читали последней, Михаил Захарович? – вдруг задала вопрос Олеговна, умудряясь смотреть на меня максимально надменно над оправой перекошенных очков.

– Хочешь убедиться, что я дурак, или наоборот?

– Просто любопытно. Я вот, например, очень много чи-

таю.

– То-то я вижу ты сегодня дохрена начитанная.

– Как писал Эрнест Хемингуэй: место избавления от печали – бар, а не литература.

– Ну, тогда эту книга я знаю наизусть, – дернул я бровью и боковым зрением уловил, что училка начала как-то странно себя вести, ерзая задницей по сиденью. – Что с тобой? У глистов переселение?

– Я писать хочу, – хныкнула она, сведя колени вместе. – Очень сильно. Я пока пела, очень сильно терпела.

– Весь бар во время твоего пения очень сильно терпел. Терпи до дома.

– Я не дотерплю. Остановитесь! – потребовала Олеговна, дернув ручку двери.

– Ты на проезжей части сядешь? Твою мать! – рыкнул я недовольно, понимая, что если не высажу ее как можно скорее в какой-нибудь сугроб, то она обоссыт мне сиденье. – Терпи минуту, сейчас на старую стройку свернем. Там присядешь.

– Минута – это очень долго. Вы не могли бы быстрее? Уже сил нет терпеть.

– Сожми все губы, какие есть, терпи и не говори мне под руку, когда я нарушаю ПДД. Всё, вытряхивайся.

Припарковавшись за домом, строительство которого остановили еще года три назад, я разблокировал все замки в машине и взглядом проследил за тем, чтобы училка не разбила

свою башку ни об какой камень или выпавший кирпич.

Пометавший по территории у дома, Олеговна, наконец, нашла сугроб, достойный того, чтобы его обоссали, а затем стала задирать пальто, платье и копошиться под ними дольше, чем мы сюда ехали.

Закатил глаза и отвернулся от дамочки, когда она в реверансе приседала задницей на сугроб.

Примерно через минуту Олеговна вернулась в машину и с самым ученым видом вгляделась в мое лицо через толщу линз.

– Правильно ты села. Правильно, – произнес я, поняв, что она пытается разглядеть в моем лице. – А теперь пристегнись.

– А я не умею, – попыталась она не глядя нащупать ремень безопасности. – Не получается.

– Как ты только до тридцати дожила-то? Из школы сегодня первый раз, что ли, вышла, после того, как в первый класс пошла? – пристегнул я ее.

– Мне двадцать пять, – заявила Олеговна гордо. – И я не живу в школе. У меня своя квартира есть, вообще-то.

– Так вот куда уходят все деньги, что я сдавал на шторки!

– Это миф и клевета, – уперся мне в щеку указательный палец с острым ногтем. – И на шторки я ни разу не собирала с родителей. И я петь хочу. Включите музыку.

– Шальная императрица, дома всё сделаешь. И палец свой убери, пока глаз мне не проткнула, – обхватив тонкое за-

пястье ее почти невесомой руки, положил ее ладонь ей же на колено. Случайно задел ткань платья, отчего разрез обнажил ногу и оторочку чулка. – Ты в курсе, что не по погоде одета? На улице под тридцать, а ты в чулках и пальто весеннем.

– Осеннем, вообще-то, – деловито заявила Олеговна и вернула себе почти приличный вид, спрятав чулок под тканью пальто.

– Выходи, – остановился я у дома, в котором она была прописана.

– Как вы узнали, где я живу? – удивилась учительница.

– На черепе твоего Кондратия погадал. Иди, – отстегнул ей ремень безопасности и открыл дверь. – Сама-то дойдешь?

– Если вы не заметили, то я дееспособная.

Слова-то какие!

Взглядом проследил за тем, как она, гордо скользя по тротуару, подошла к подъездной двери. Уронила связку ключей – раз, другой, третий, шестой… а затем встала на колени и начала рыться в снегу, похоже, окончательно потеряв ключи.

Внутренне сопротивляясь тому, что делаю, я вышел из машины, стянул с себя куртку и накинул ее на уже продрогшую Олеговну, которая сначала отпрянула от меня, а затем признала.

Нашёл ключи, которая она каким-то образом умудрилась подбросить до клумбы, и открыл подъездную дверь.

– Дальше справишься? – протянул ей ключи, мимо которых промахнулась ее рука, а затем, когда я ей вложил связку

ключей в ладонь, мимо ступенек промахнулась уже ее нога. Едва успел поймать Олеговну за локоть и дернуть на себя за секунду до того, как ее лицо встретилось с бетоном. – Этаж какой? – выдохнул вопрос ей в лицо.

– Не скажу, – гордо и тупо. Очень тупо.

– Тогда будем гулять по ступенькам, пока не протрезвеешь.

– Прогулки полезны, – с каким-то неадекватным задором взвизгнула Олеговна и стартанула по ступенькам вверх. В этот раз она смачно упала на колени, порвав чулки. Из ранок почти мгновенно начала сочиться кровь.

– Чё ж ты такая рукожопая-то, а? – задался я вопросом и в этот раз подхватил ее на руки. – Этаж? Последний раз спрашиваю.

– Шестой, – дула она мне в лицо вместо того, чтобы дуть хотя бы в сторону своих коленей.

– Тогда какого хрена ты не к лифту пошла, а по ступенькам?

– А лифт тут не работает.

– Только попробуй мне потом хоть что-нибудь предъявить по своему Кондратию, – стал я с ней на руках подниматься на шестой этаж. – За секунду спущу с шестого этажа на первый. Без лифта. Дееспособная, твою мать…

– Я сама открою, – держалась Олеговна за ручку своей квартиры так, будто её ветром как тряпку колыхало.

– Стой, где поставил, – сдвинул я ее в сторону и сам

открыл дверь ее квартиры. Первым вошёл внутрь, подсветил стены телефоном и нашел выключатели. Узкая прихожая осветилась ярким светом, и в нее на ногах, как на циркуле, вошла Олеговна, рухнув задницей на мягкий бежевый пуфик. – Ладно. Дальше точно сама дееспособишься.

Сняв с ее плеч свою куртку, оставил ключи от ее квартиры, сумочку и паспорт на полке с флаконом духов.

– Я никому не нужна-а-а… – донесся мне в спину протяжный вой Олеговны, едва я толкнул дверь ее квартиры, чтобы выйти.

Твою-то мать…

– Все меня бросают! – громкий всхлип за спиной, породивший новую волну скребущих по моим позвонкам кошек.

Это не твоё дело, Миша. Ты просто доставил училку своего сына до дома. До ее дома, чтобы эта пьяная дура не наделала никаких фатальных ошибок, начиная от знакомства с сомнительными элементами в баре, и заканчивая одиночным возвращением домой через маньяка. Если бы не камеры в баре, по которым можно было понять, что вместе с ней в одном месте находился я, то хрен бы я стал так напрягаться. Но теперь, слыша вой, от которого сворачивались уши, стало понятно, что нахождение Олеговны у себя же дома, еще не значило, что вечер закончится для нее без глупостей.

– И что ты ноешь? – закрыл я дверь и повернулся к ней, нервно сунув руки в карманы куртки.

– Почему?… Почему всегда так? Те мальчики, что мне

нравятся уходят к другим?

– Мальчикам? Хреновая для училки формулировка про мальчиков. Яснее выражайся.

– Ну, парни! – рванула Олеговна руку к лицу и от души утерла сопли рукавом пальто. – Почему они всегда выбирают этих?… – показала она фиги на уровне своих сисек и широко расставила ноги, жестом указав на их бесконечную длину. – Почему всегда выбирают красивых? А душа? А как же душа?! Она же ведь тоже должна быть красивой. Жопу и сиськи можно сделать, а душу – нет!

– Ясно, – вздохнул я, поняв, какой здесь диагноз. – Тебя бросил мальчик, да, девочка?

– Прямо сейчас он делает предложение другой, – полился новый ручей слёз и разразилась очередная волна с утиранием соплей рукавом. – Какой-то проституточной Элле. А не мне – Марусе.

– Марусе? – хохотнул я, не сдержавшись. – Ты серьёзно себя Марусей называешь?

– Угу, – быстро-быстро закивала Олеговна, явно сдерживая всхлипывания, что сотрясали ее узкие плечи.

Внезапно, она прикрыла рот ладонью, вскочила на ноги и, подворачивая их на высоких каблуках, метнулась к одной из белых дверей. Свет она там не включила, но я по звукам понял, что угодила она лицом в унитаз, в который прямо сейчас летело всё то, что она с горя выжрала.

– Куда я лезу? Идиота кусок! – выругался я себе под нос.

Снял куртку, ботинки и пошёл к училке, предварительно включив свет в сортире.

Стоя на коленях перед унитазом, Олеговна выворачивала в него душу, вместе с тем успевая громко плакать между приступами рвоты. Не глядя, она выкинула руку в сторону и протянула мне очки. С облегчением выдохнул, увидев, что линзы их не были наполнены закуской, и отложил их на край раковины. Там же с полочки взял заколку для волос и кое-как собрал ею густые волосы на макушке.

– Спасибо, – выдохнула Олеговна едва слышно. – А вам разве не противно?

– Ты блюешь в разинутую пасть унитаза, а не в мою. Можешь продолжать.

– Спасибо, – выронила она хрипло и снова плеснула содержимым своего желудка в унитаз. – Я же не ела огурцы! – возмутилась вдруг громко Олеговна и потянула руку, чтобы ковырнуть то, что из нее вылетело.

– Ты еще обратно этим закуси, – одёрнул я ее руку и помог встать болтающемуся на каблуках туловищу. Нажал кнопку слива унитаза. Подвел училку к раковине, включил холодную воду и как щенка буквально ткнул ее лицом в раковину. – Умойся.

– Холодная! – брыкалась Олеговна.

– Отрезвляющая.

Одной рукой удерживая ее за затылок, второй я плескал ей в лицо холодной водой, то и дело прерывая вой брошен-

ной собаки, что раздавался изо рта Олеговны. Закончив с умыванием, не глядя, приложил к ее лицу первое попавшееся под руку полотенце, от души потёр и только после этого помог Олеговне выпрямиться, чтобы посмотреть на ее лицо.

– Матерь божья, – неосознанно дернулся я, поняв, что превратил училку в панду.

– Тушь чуть-чуть подтекла, – пыталась Олеговна вглядеться в своё отражение.

От греха подальше убрал от нее очки. Не хватало еще, чтобы она кони двинула от своего же отражения.

– Где твоя постель? И сними ты это пальто, – попытался я стянуть с ее плеч ткань, но Олеговна снова взбрыкнула.

– Я не лягу с вами в одну постель. Вы не достойны касаться моего бутона и познать его плодов.

– Сдалась мне твоя грядка? – поморщился я и, всё же, стянул с неё пальто. Пришлось увезти ее обратно в прихожую, чтобы снова усадить там на пуфик, повесить пальто, а затем присесть на корточки и попытаться стянуть с брыкающейся Олеговны еще и сапоги, чтобы посмотреть, что с коленями. – Сиди ровно. Аптечка где? – спросил я, когда стало понятно, что кровь из ранок сочится не слабо.

Ноги у нее одноразовые, что ли? До первого падения?

– Чтобы вы в нее подбросили что-нибудь наркотическое? Или опоили меня моим же снотворным? – щурилась Олеговна, пытаясь разглядеть мое лицо. – Не скажу.

– Тогда ходи, дура, вся в крови, – махнул я на неё рукой.

Бросил в угол прихожей ее сапоги и взял свою куртку, чтобы одеться и свалить отсюда.

– А давайте потанцуем, Михаил Захарович, – вдруг игриво повисла на моем плече Олеговна.

Не баба, а стробоскоп.

– Потанцуем? – переспросил я насмешливо. Вроде, и психануть хочется, но вместе с тем, становится интересно, что еще она может выкинуть. – Ты хочешь доломать целые остатки своих спичечных ног?

– Между прочим, – изогнула она бровь и для пущей убедительности подняла указательный палец правой руки. – Я в третьем классе заняла первое место на Снежном балу. А там, чтобы вы понимали, я танцевала вальс.

– Угу, пока все остальные плясали танец маленьких утят, – скептически пробормотал я себе под нос. – Хочешь танцевать – неси аптечку. Не хватало еще, чтобы ты мне своими кровавыми коленями джинсы измазала.

– Только пообещайте, что потанцуете со мной.

– Обещаю, – сказал я, чтобы она отстала. Да и танец вряд ли состоится, так как совсем скоро эта танцовщица вырубится. – Аптечка где?

– На кухне в верхнем угловом ящике.

– Кухня где?

– Там, – показала Олеговна уже подготовленным указательным пальцем и первая пошла в том направлении. Похоже, машинально включила свет и сама достала аптечку. –

Вот. Только вы не больно делайте.

– Не обещаю. Я впервые оказываю медпомощь пьяной училке. А первый раз, как известно, бывает больно. Садись. Хотя, не садись. Колготки сначала сними.

– На мне чулки.

– Мне без разницы. Снимай, – открыл я аптечку. Беглым взглядом нашел вату, пластыри, бинты, зеленку и перекись. Сойдёт.

– Не получается, – снова хныкала Олеговна, пытаясь отстегнуть бретельку, которой место на лифчике, от чулок.

– Что ж ты за… Маруся такая? – отставив аптечку, обхватил плечи Олеговны и усадил ее на стул. – Сиди ровно и не вальсируй хотя бы минут пять.

Из разреза зеленого платья выглянула худая нога. Колено разбито в фарш.

– Не надумаешь там себе ничего? – спросил я на всякий случай, потянувшись в бретельке, к которой крепился чулок.

– Нет, – прятала она лицо в ладонях и тихо всхлипывала. – Только вы быстрее давайте.

Кое-как смог отстегнуть чулок. Спустил его до колена и понял, что тонкая ткань уже прилипла к ране.

Рванул руку к перекиси и щедро залил окровавленное место.

– Как много пенки! – то ли восхищенно, то ли шокировано выдохнула Олеговна. – Это, наверное, из-за того, что в крови шампанское?

– Угу, – дёрнул я бровью. Аккуратно потянул за тонкую ткань, и та без сопротивления сползла с колена, а затем и полностью с ноги.

Тот же фокус с перекисью пришлось проделать и со вторым коленом.

– Пинцет есть? – спросил я, заметив крошки, похожие на бетонные в одной из ран.

– В комнате, – снова начала реветь Олеговна.

В этот раз не стал спрашивать, где находится комната, и так было понятно, что она находилась за единственной еще не открытой дверью.

С фонариком в телефоне нашёл выключатели и включил свет в комнате. Бабский зефирный уголок. От обилия розового и белого цвета глаза готовы были лопнуть. На мелком столике с косметикой нашел пинцет.

Вернулся в кухню-студию и обнаружил Олеговну ровно в том же плачущем положении, в котором и оставил.

– Так, – сел я на корточки, чтобы острое колено было на уровне моих глаз. – Слушай внимательно, Маруся. Сейчас я буду вытаскивать мусор из твоей раны, сиди и не дёргайся.

– Хорошо, – всхлипнула она и еще сильнее прижала ладони к лицу.

Одной рукой прихватил ее ногу ниже колена и зафиксировал. По светлой коже побежали мурашки.

– Сейчас будет неприятно, – предупредил я и аккуратно подцепил пинцетом самый большой кусок мусора в ее ране.

Маруся тихо всхлипнула, явно стиснув зубы, чтобы снова не разреветься.

– Еще один. Последний, – произнес я, чтобы её успокоить и дать понять, что зря она так трясется. Пинцетом подцепил темный инородный кусок, торчащий из ее раны, и этим же коленом получил точный удар в нос, из-за чего меня отбросило назад на жопу, а нос прострелило тупой болью.

– Маруся, твою мать! – схватился я за нос, чувствуя, что из него хлынула кровь.

– Простите, пожалуйста, – спохватилась Олеговна, начав метаться по кухне, вместе с тем выворачивая свою аптечку. – Я на приеме у невролога всегда очень сильно дергаю ногой, когда он молотком своим…

– Я-то к тебе с пинцетом пришел, нервная, – запрокинул голову и встал на ноги, надеясь, что поток крови быстро завершится.

Олеговна, бросив аптечку, выбежала из кухни и теперь что-то валила на пол в ванной комнате.

– Вот, – прибежала она обратно. И, шурша так, будто открывала для меня конфеты, всунула мне что-то в одну ноздрю, а затем и в другую. Какой-то хренью пощекотало губы. – Удобно?

– Вроде, – опустил я голову и посмотрел в глаза пьяной панды. – А что это?

– Мои тампоны. Подошли? Мне вот с ними очень удобно. Их даже почти не чувствуешь. И кровь они отлично впиты-

вают…

– Помолчи, Маруся. Просто помолчи, – пришлось отвести обеими руками нитки ото рта, чтобы можно было сделать глубокий вдох, попытаться успокоиться и не подавиться ниткой от затычки.

Глава 4. Михаил

– Не дёргайся.

– Больно, – пискнула Олеговна, обнимая рулон бумажных полотенец.

– Вот поэтому и не дёргайся. Быстрее закончим, быстрее освободишься.

Пришлось снять с себя свитер, чтобы Маруся перестала натягивать мне его ворот на голову.

Кое-как смог раскрасить ее коленки зеленкой. От пластыря Олеговна отказалась наотрез, объясняя это тем, что боится их отрывать. Зато теперь пару дней будет ходить с зеленкой на ногах. Из-за того, что она брыкалась, намазал я ей зеленых полос куда пришлось. Даже платью немного досталось.

– Всё. Иди, – встал я и закинул бутылёк зелёнки обратно в аптечку. Использованные ватные палочки собрал в пучок. Примерно прикинул, что мусорное ведро может находится под раковиной, и не прогадал. В него же закинул и тампоны, которые вылетели из носа, как пробка из бутылки шампанского. Надо сказать, удобная штука. Хоть в свою аптечку покупай – лишним точно не будет.

Пришлось ополоснуть нос и лицо от ощущения присохшей крови. Оставив полотенце на полке, где и взял, я повернулся в сторону гостиной и только в эту секунду заметил,

что здесь имеется подобие перегородки между кухней и гостиной в виде стеллажа, уставленного кактусами разных размеров, цветов и форм. Машинально окинул кухню взглядом и понял, что нормальный цветов здесь нет. только кактусы кругом.

Самой хозяйки этого колючего царства видно не было, зато было прекрасно слышно, как в ванной текла вода и снова выла Маруся.

Подавив вздох раздражения, пошёл к ванной, где, остановившись у закрытой двери, громко постучал.

– Ты там выяснила, что не тонешь? – спросил я, чтобы перекричать шум воды.

– Косметические процедуры провожу, – откликнулась Олеговна глухо.

– А ноешь из-за чего?

– Не получается, – с громким всхлипом.

Усмехнувшись, качнул головой и вернулся в студию. Налил себе стакан воды и стал ждать, когда Олеговна явит себя миру. Заодно прислушивался к тому, что происходит в ванной комнате. К счастью, она так и продолжала там всхлипывать периодически чем-то брякая.

Мазнул взглядом по помещению и попытался понять, откуда в квартире на шестом этаже под телевизором взялся камин. И как с ее координацией она еще не спалила весь дом?

Подошёл ближе и стало понятно, что камин сделан из коробок, которые Олеговна просто раскрасила краской под

кирпич. А внутри него находились не угли, а черные провода гирлянды. Только начало декабря, а она уже подготовила квартиру к Нового году. На «камине» стояли фотографии, на которых была изображена Олеговна в разных возрастах, а вместе с ней ее семья и, похоже, тот самый «мальчик», что сделал предложение не ей.

Взял одну из рамок и пригляделся к широко улыбающейся Олеговне. Обычно, вызывая меня в школу, она не улыбается вообще. Ведет себя как типичная строгая училка, которая готова вставить свою указку мне поперек задницы. А на этой фотографии в обнимку с какой-то блондинкой она улыбается вполне искренно. Пьяная, наверное, и здесь.

– Это моя сестра, – от неожиданности слегка вздрогнул и повернулся корпусом, обнаружив рядом с собой Олеговну в белом махровом халате. Вздрогнул повторно, увидев на ее лице маску с круглыми прорезями для глаз. – Красивая, правда?

– Кто? – поморщился я, надеясь, что мне не придется выдавливать из себя комплименты для торчащих из-под маски глаз.

– Моя сестра, – забрала у меня Олеговна из руки фоторамку и кончиками пальцев погладила лицо блондинки. – Младшенькая моя. Красавица. Родители всегда говорили, что у Миры в этой жизни за ее красоту будет всё. А у меня… а мне нужно быть умной.

– Нормально твои родители рассудили, – вскинул я на-

смешливо брови. – Твоей сестренке всё за красивые глазки, получается, а тебе – придется постараться только потому, что мордой не вышла?

– Но Мира правда очень красивая.

– С фотошопом и я красивая, – фыркнул я, унося опустевший стакан обратно в кухню.

– Если бы на этой фотографии был фотошоп, то и я тоже получилась бы красивая. Нас здесь папа фотографировал. Мира как раз поступила на первый курс столичного журфака. Она молодец, – вернула Олеговна фоторамку на «камин». – А мне моя внешность и такая нравится. Я даже благодарна, что я лицом не вышла. Зато сразу понятно, что меня не за внешность полюбили. Как мой Витюша, например, – вздохнула она.

Подняла руку и стянула с лица маску, превратившись в совсем еще девчонку. Больше двадцати лет ей теперь точно не дашь. И как она тряпками умудряется превращать себя в сухую сорокалетнюю тётку?

– Меня на первом курсе соседка по комнате пригласила на двойное свидание. Я понимала, что она берет меня с собой только для того, чтобы на моем фоне казаться еще красивее, чем есть, но всё равно пошла с ней. Стало интересно, что за парень мечты там такой её ждёт. А потом парень её мечты выбрал меня. Представляете? – загорелись ее серые глаза, под которыми теперь не было черных следов туши. – Мой Витюша тогда выбрал меня, а теперь… – вздохнула она го-

рестно и швырнула использованную маску для лица на обеденный стол. Подошла ко мне почти вплотную, подняла голову и заглянула пьяными глазами в мои. – Мне так не везет, потому что я некрасивая?

– Нормальная ты. Тряпки только бабкины перестань носить и очки нормальные купи.

– Мне нравится мой стиль, – повела Олеговна плечом. – Он уникальный.

Если только «уникальный» – синоним слова «стрёмный».

– Смотрю, тебе уже лучше, – заметил я. – Поеду я тогда домой. Постарайся до утра никуда не вляпаться, – попытался ее обойти, но тонкие пальчики подцепили край моей футболки и потянули обратно.

– Михаил Захарович, я знаю, что мне нужно, – прижалась она к моему торсу грудью. – Снимите футболку.

– Когда ж тебя отпустит, Маруся? – вздохнул я устало.

С трудом отцепил тонкие пальцы от края своей футболки и попытался вновь соблюсти дистанцию между нашими телами. Но хрен там. Олеговна вновь прильнула ко мне и вцепилась в футболку.

– Вы не понимаете, Михаил Захарович, мне очень нужно! – умоляюще заглянула она в мои глаза.

– Не нужно тебе это, дура, – сбросил с себя её руки. – Иди спи. Если совсем невмоготу, руками себе помоги.

– Руками не получится. Мне нужен ваш запах. Понимаете? Я хочу, чтобы вы пометили меня своими феромонами.

– Иди-ка, всё-таки, спи, Маруся. Не хватало мне еще метить училку своего сына чем попало, – положив ладони на ее узкие плечи, развернул Олеговну в сторону выхода из гостиной.

– Вы не понимаете! – снова взбрыкнула она. – Это ведь природа! Здесь всё очевидно: если Витя учует на мне запах другого самца, то в нем пробудится инстинкт собственника. Он сразу захочет вернуть меня себе в нашу съемную квартиру.

– Да хоть в хомячью клетку, – фыркнул я. – Я тебя точно метить ничем не собираюсь. Мой метчик на тебя не среагирует, даже если ты голая передо мной спляшешь.

Возможно, мои слова слишком резки и обидны для любой другой трезвой женщины, находящейся в своём уме, но Марусю они нисколько не оскорбили и не остановили.

– Я вам никогда этого не говорила, Михаил Захарович, но от вас всегда очень вкусно пахнет. Даже запах сигарет не портит вашего особого запаха.

– Ты подкатываешь ко мне, что ли? – вскинул я изумленно брови. – Неплохая попытка, Маруся, но нет.

– Вам жалко дать мне свою футболку? – вцепилась в мои плечи Олеговна. – Буквально на часок. Я пропитаюсь вашим запахом и постараюсь сохранить его до встречи с Витей.

– Так тебе футболка моя нужна? – дошло до меня, наконец. С легкой улыбкой закатил глаза, кажется, радуясь тому, что смог избежать изнасилования училкой.

– Да! – закивала Олеговна быстро. – Всего на часок. Я верну ее. Честно-честно.

– Не вернешь сама – стяну силой. И не заблюй, – закинул руки за голову и за ворот стянул с себя футболку. – Держи.

Футболка в моей вытянутой руке оказалась невостребованной. Олеговна зависла на моем торсе и с каждым, разглядываемым ею сантиметре моей кожи, её глаза становились всё шире и шире.

– Маруся, запах самца, – пощёлкал пальцами перед её лицом. – Бери, пока дают.

– Это у вас от чего? – спросила она, коснувшись подушечками пальцев старого уродливого шрама на моих ребрах справа.

Непроизвольно вздрогнул и слегка отпрянул.

– Это, Маруся, не твоё дело.

– А это? – коснулась она другого шрама значительно меньше с левой стороны живота.

– А это пуля, Маруся.

– В вас стреляли? – вскинула она на меня испуганный взгляд. В серых глаза внезапно образовались озёра слёз.

Твою-то мать! Опять сейчас реветь будет…

– Нет. Я просто упал на пулю.

– Больно было? – спросила Олеговна, кончиком указательного пальца, очерчивая края шрама.

– Щекотно, – отнял ее руку от своего торса и вложил в ладонь футболку. – Надевай, пока не передумал.

– Мне только на часок, – напомнила она зачем-то.

И, вместо того, чтобы уйти в свою комнату или еще куда-нибудь, чтобы спрятаться и переодеться, Маруся повернулась ко мне спиной, положила футболку на спинку дивана и сняла с себя халат, оставшись абсолютно голой.

Глядя несколько секунд на ее проступающие через тонкую светлую кожу позвонки, ждал, что она одумается, взвизгнет как поросенок и умчится в комнату, но этого не произошло. Кажется, она настолько была в угаре от действия алкоголя, что даже не сообразила, что осталась без одежды в квартире с, по сути, посторонним и неизвестным ей мужчиной.

Ветка сакуры, блин, – тощая, пьяная и совершенно без башки.

Пришлось отвернуться самому, пока Маруся искала вход в мою футболку.

Снова наполнил себе стакан водой. В этот раз до половины – пить особо не хотелось, как, впрочем, и пялиться на недокормленную Марусю.

Машинально открыл холодильник и проверил его содержимое. Холодильник наполнен богаче, чем мой. А еще говорят, что у учителей зарплата маленькая. Только почему при таком многообразии и обилии продуктов, она тощая как её безголовый Кондратий? Булимия, наверное. В унитаз она выворачивалась отменно.

– Мм, как вкусно пахнет! – протянула блаженная за моей спиной. – Витя точно с ума сойдёт.

Слегка повернул голову, чтобы краем глаза разглядеть, оделась ли она.

К счастью, моя футболка закрыла ей всё почти до коленей.

– Угу, – повел я бровью и захлопнул холодильник. – Особенно, когда узнает, что под этой футболкой ты без трусов.

– Вы подглядывали?! – выпучила Маруся возмущенно глаза. – Как вам не стыдно?! Вы же взрослый человек!

– Это не я тут перед тобой светанул тощей копилкой. Так что засунь свои возмущения обратно туда, откуда они вылетели.

– Вы всё видели, да? – значительно успокоилась Маруся и, будто бы, постыдилась даже.

– Я не смотрел.

– Я вам не нравлюсь, да? Совсем?

Не диалог, а пляски на минном поле.

– Скажем так, Маруся, ты не в моем вкусе. Я предпочитаю женщин попышнее, помясистей, а ты… – бегло оглядел ее с босых ног до головы с влажными после душа волосами. – … Не моё. У меня большие руки, и если я захочу взять тебя за сиську, то у меня может сработать рефлекс сцарапывания прыщей. Вряд ли ты это оценишь.

– Вы сцарапываете у себя прыщи? – брезгливо поморщилась Маруся, кажется, вообще, не поняв, что я ей только что сказал. Потому что, если бы поняла, то точно обиделась. – Фу! А знаете, что я еще не люблю в мужчинах?

– Страшно представить, – бросил я равнодушно. Посмот-

рел на наручные часы, чтобы засечь час, после которого мне можно будет сдернуть с нее свою футболку и уехать домой.

– Ненавижу, когда мужчина грызёт свои ногти. И знаете, делает это так… – перебрала она тонкими пальцами, как щупальцами в воздухе, явно подбирая слова. – … с аппетитом. Аж ноготь на свету блестит оттого, какой он обсосанный.

– И что в этом плохого? – криво ухмыльнулся я. Внутренний пацан так и хотел засунуть палец в рот и хорошенько наслюнявить. До блеска на свету. – Зато сразу понятно, что палец чистый.

– Но это мерзко! Меня один раз даже вырвало, когда водитель автобуса всю дорогу мусолил большой палец своей грязной руки, а потом этим же пальцем отсчитывал мне сдачу.

– И куда тебя стошнило? Прямо на водилу? – оказывается, с ней может быть интересно разговаривать, когда она не кричит на меня за то, какой я плохой отец или не ноет из-за своего пресвятого Витюши.

– Нет, конечно! – возмутилась Маруся. – В лоточек с мелочью.

– Какая прелесть, – допил остаток воды и поставил стакан на столешницу.

– А давайте потанцуем, – снова засияло веснушчатое лицо.

– Маруся, – вздохнул я, качнув головой. – Что насчет того, чтобы прижать свой зад на ближайший час и никуда не

рыпаться?

– Но я не хочу прижимать свой зад. Говорят, если много сидеть, то может появиться геморрой.

– М. Так вот, что я насидел себе в том баре. Ну, давай, танцуй.

– Я одна не умею. Я с вами хочу.

Резко рванув ко мне, Маруся так махнула руками, что сшибла со столешницы стакан, который вдребезги разбился у наших ног.

– Куда, блять?! – до того, как Олеговна сделала еще шаг, подхватил ее на руки и понёс к дивану, переступая через осколки. Уложил на диван, укрыл пледом почти до самых ушей и строго приказал. – Лежи здесь, и больше никаких танцев.

– Но мне скучно.

– В пупке поковыряйся, скатай себе друга из того, что там найдешь. В общем, делай всё, что хочешь, но ближайший час с дивана ни ногой, иначе точно голову свою бестолковую расхерачишь.

– Вот и я для всех как катышек пупочный, – опечалилась шальная императрица, снова пустив сопливую слезу. – Все вспоминают обо мне только когда им скучно. Никому я по-настоящему не нужна. Совсем никому.

Миша, познай дзен. Познай этот ебучий дзен и не ляпни чего лишнего! Тут каждое сказанное тобой слово может и будет использовано против тебя.

– Мне нужна, – ляпнул я с небольшим дополнением. – Ты мне нужна сидящая здесь и никуда не рыпающаяся.

– Нужна? Вам? Правда? – из больших серых глаз потекли крупные капли слёз. – Мне так никто и никогда не говорил.

Ебучий дзен меня покинул и пришиб нахрен Марусю, когда она бросилась ко мне на шею, и, честное слово, лучше бы придушила, чем начала целовать.

Еще никогда и ни одна женщина не пыталась засунуть свой язык в мой рот настолько настойчиво и открыто. Помимо обслюнявленной Марусей бороды мокрым у меня был даже нос.

– Маруся, чтоб тебя! – рявкнул я на девушку, отчего она замерла лишь на секунду, а затем предприняла новую попытку забраться мне в рот. – Хватит, я сказал!

Пришлось грубо схватить ее за плечи, оторвать от себя, запихнуть ее же язык обратно в ее дурную башку и усадить задницей на диван.

– Какого хрена ты делаешь? – резким движением руки тыльной стороной ладони отёр свой подбородок.

– Я… – посмотрела на меня Маруся огромными, как её внезапный порыв, глазами. – Я не знаю. Я думала, так правильно.

– Правильно что? Прыгать на каждого, кто тебе доброе слово скажет? У тебя язык при свете дня за зубы, наверное, вообще не возвращается, если ты каждого так вылизываешь?

– Я ни с кем, кроме Вити никогда не целовалась, – отве-

тила Маруся приглушенно, опустила глаза и снова пустила слезу. В этот раз делала она это совершенно беззвучно. Лишь узкие плечи дрожали.

– Дура, – качнул я снисходительно головой. Накинул на ее ноги плед и вернулся в кухонную зону, где кое-как нашёл веник и совок.

Собрав осколки стакана, вернулся к дивану, на котором уже лежала Маруся, но всё так же продолжала тихо плакать, культурно утирая уголком пледа сопли.

– Подержите меня за руку, Михаил Захарович.

– Когда ж ты уже уснёшь-то, а? – буркнул я себе под нос. Обошёл диван и сел напротив Маруси на низкий журнальный столик. Из-под пледа вынырнула ее светлая рука с тонкими пальцами и потянулась ко мне. Закатив глаза, нехотя обхватил ее горячие пальцы своими и заглянул в серые заплаканные глаза. – Дальше что? Поборемся? Или на пальцах поиграем? Что ты еще придумала, Маруся?

– Я устала бороться, Михаил Захарович, – вздохнула она, глядя сквозь меня.

Ясно. Пришла стадия алкогольно-философских разговоров

– И с чем же ты таким боролась, что устала? – мне не было интересно и добровольно я бы никогда ее слушать не стал. Просто эту стадию я знаю отлично. И лучше ее поддержать, так как, чем быстрее она выговориться, тем быстрее уснёт.

– Я всегда борюсь за что-то: за своё счастье, например; за

внимание родителей; за то, чтобы меня приняли достойной того, чтобы просто жить, учить детей; за то, что даже некрасивые умеют любить и тоже хотят быть любимыми.

– С чего ты взяла, что ты некрасивая? Да, не модель с обложки, но и не уродина ведь. Просто такая… на любителя.

– Ну, я же не вампир. В зеркале отражаюсь и сама всё прекрасно вижу.

– Не вампир? – улыбнулся я уголком губ. – А бороду ты мне сейчас обсосала так, будто нет-нет да посасываешь что-то у людей.

– У вас очень приятный голос, Михаил Захарович, когда вы так тихо разговариваете. Говорите со мной еще, – взгляд ее стал ясным, будто она и не пила вовсе. А еще Маруся мне улыбнулась. Тепло, будто мы с ней закадычные друзья. Протрезвела, что ли? Нет. Трезвая Олеговна мне не улыбается. Никогда. Трезвая Олеговна всем своим видом показывает, как вертела бы меня на вертеле потолще над костром побольше. – А еще у вас очень хороший сын. Хоть и хулиган, совершенно непослушный и своенравный, но он очень хороший. Я никому не рассказывала и он, наверное, тоже, но в прошлом месяце ваш Артём защитил девочку из старшего класса от другого хулигана. Тоже постарше него.

– Так вот откуда у него тогда «фонарь» под глазом взялся?

– Угу. Их было бы два, «фонаря» этих, если бы я не вмешалась. Я тогда так быстро сбежала со школьного крыльца, что даже каблук на сапогах сломала. Мне кажется, Тёме

очень нравится эта девочка.

– И в каком классе та девочка учиться? – где-то внутри меня, очень глубоко, заистерил обеспокоенный отец.

– В десятом. Хорошая девочка, отличница. Зариной зовут. Только я вам ничего не говорила, – приложила она указательный палец свободной руки к своим губам и снова спрятала руку под пледом.

Класс. Моему восьмикласснику нравится девчонка из десятого. Приплыли…

– Так, если мой сын хороший, то какого хрена, Маруся, ты вызываешь меня в школу по два раза в неделю?

– Но он ведь хулиган! – уставились на меня возмущенные серые глаза.

– Аргумент, – дёрнул я бровями.

Опустил взгляд на руку, что держал и почувствовал, как в ней пошевелились тонкие пальцы, пощекотав мою ладонь.

– Я ведь умру, да? – спросила вдруг Маруся.

Несколько растеряно поднял на ней взгляд, но она на меня смотрела. Она смотрела на то, как ее пальцы играют с моей ладонью и гладят линии на запястье.

– Все мы когда-нибудь умрем, Маруся.

– Но я точно сегодня. Я еще никогда столько не пила. Мне ужасно стыдно, и я буквально каждой клеточкой себя чувствую, как алкоголь разъедает мои внутренние органы. Внутри всё горит. И до утра я точно не доживу.

– Не знаю, насколько ты живучая сегодня, но утром после

такой пьянки ты точно захочешь пару раз сдохнуть.

– Как можно хотеть сдохнуть? – поймала она мой взгляд. – Это ведь жизнь! Она дается только один раз и всего одна. Разве можно от нее отказаться?

– Теперь для меня всё сошлось, Маруся… Тебя не рожали, нет. Ты выпала из какой-то охерительно доброй и наивной сказки, когда старая библиотекарша забыла закрыть детскую книгу. А потом ты, как в «Терминаторе», потребовала её одежду. Отсюда и стиль твой уникальный и восприятие мира сказочное.

– А вам хотелось сдохнуть, Михаил Захарович?

– Давай-ка, Маруся, баиньки.

Запихнув ее руку под плед, я погасил свет в гостиной. Около минуты постоял в темноте и, убедившись, что Маруся свернулась калачиком и больше фестивалить не собирается, побрёл в её комнату, где рухнул на постель поверх покрывала. Устало потер лицо, подложил под голову какую-то плюшевую хрень и прикрыл глаза, надеясь хоть немного вздремнуть. Усталость и дежурство давали о себе знать.

Едва провалившись в сон, снова из него вынырнул, когда в гостиной одинокой волчицей завыла Маруся.

– Твою-то мать…

Глава 5. Маруся

– Ммгмгмг…

Поверить не могу, что эти звуки исходят от меня. Как же мне плохо. Настолько плохо, что страшно открыть глаза – они либо лопнут от боли, что сковала мою голову, либо выпадут, когда я пойму, что проснулась не у себя дома.

Еще никогда моя голова не болела настолько, чтобы было больно даже кожу головы, причем только на макушке. Будто меня за волосы кто-то всю ночь усиленно тянул. Как репку дедка.

Боже, хоть бы я была дома. Последнее, что я помню из бара – это вкусный синий коктейль и большую выпуклую бородавку на лице мужчины, который настойчиво хотел, чтобы мы продолжили вечер у него дома.

Хоть бы я была у себя. Плевать, даже если с тем с бородавкой. Хотя, вдвойне лучше было бы, если бы оказалась у себя дома в гордом одиночестве.

Нерешительно приоткрыла один глаз и выдохнула с облегчением, когда увидела свой самодельный камин из коробок, а в нем вместо настоящих углей – гирлянду. Значит я в своей гостиной, на своём диване и рядом со мной совершенно точно никто не лежит, так как купленный по скидке диван настолько узкий и мелкий, что на нем хватает места только мне одной.

Сглотнула слюну пересохшим горлом и поморщилась от болезненных ощущений в нем. Мне в глотку будто биту всю ночь пихали. Неужели я проглотила какой-то из бокалов, когда пыталась пить без рук? Боже… я пыталась пить без рук, будто это умение мне было необходимо. Какой позор, какой позор, Марина Олеговна! А если бы в том баре был кто-нибудь из родителей? Похоже, не зря я училась пить без рук, так как скоро, если слухи дойдут до директрисы, эти руки мне придётся протягивать, чтобы просить милостыню и платить ипотеку, в которую я совсем недавно сдуру влезла с головой.

Кто-то стрижет каре после расставания, а я покупаю квартиру в ипотеку. Каждый начинает новую жизнь по-своему.

Размяв пальцами больное горло, будто это хоть сколько-нибудь уменьшит болезненные ощущение, я поняла, что что-то на мне не то. Одежда какая-то не та. Незнакомая мне. Опустила взгляд и даже без очков поняла, что балахоном на мне надета чья-то футболка. Кого я обманываю? Чья-то?! Она мужская! Мужская! У меня такой точно никогда не было.

От ужаса мои глаза округлились, дыхание перехватило, а все болезненные ощущения отошли на десятый план, когда я, сдернув с себя плед, поняла, что проснулась не просто в незнакомой мне мужской футболке, но еще и без трусов. Абсолютно, совершенно без трусов. Ни одной гребаной нитки, что хоть сколько-нибудь могла сохранить мою честь, на мне

не было.

– Что я наделала? – выронила я хрипло. Схватилась за голову и пришла в еще больший ужас, увидев свои разбитые колени, криво замазанные зеленкой. – Что я наделала? Что я наделала?

– У тебя там паничка, что ли? – донесся со спины грубый голос.

От неожиданности я вскрикнула и натянула плед до самого подбородка. Резко развернулась в сторону, откуда исходил звук мужского голоса, и испытала самую сильную в своей жизни смесь из страха, позора и унижения, когда за столом своей кухни увидела Кострова Михаила Захаровича без футболки.

Без футболки, очевидно, потому, что она была на мне. Осталось только надеяться на то, что под столом он не был в моих трусах.

– Вы?! – выронила я, до последнего продолжая не верить своим глазам.

Лучше бы я уехала с тем козлом с бородавкой на лице, чем проснулась сегодня утром в компании человека, который являлся последним человеком на планете, с которым я хотела бы общаться и проводить время добровольно.

– Мы, – кивнул Михаил Захарович сухо и отпил чай из моей кружки, снова вернув внимание к своему телефону.

– Что вы здесь делаете?

Данный вопрос заставил мужчину слегка вскинуть бровь,

будто бы он был чему-то удивлен, и улыбнуться уголком губ. Совершенно гадко и неприятно.

– И ты это спрашиваешь, Маруся, после того, что между нами было этой ночью? – откинулся на спинку стула и чуть склонив голову набок, насмешливо посмотрел на меня.

– Что? – выдохнула я, до последнего надеясь, что всё совсем не так, как я уже успела представить себе в красках. – Что между нами было?

– Что? Совсем не помнишь, как ты стояла на коленях, я держал тебя за волосы, а потом из твоего рта выходило больше, чем ты, в принципе, могла в себя впихнуть?

В одно мгновение паззл сложился. У меня не осталось вопросов ни к тому, отчего у меня болела кожа головы на макушке, ни к тому, отчего у меня болело горло и теперь можно даже не спрашивать, почему у меня стерты колени. Довольно яркая картинка предстала перед моими глазами и теперь навсегда опечатается на моих веках, как позор всей моей жизни.

Очень короткой и бестолковой жизни.

Мне не суждено дожить до старости. Мне суждено умереть со стыда прямо в эту секунду и прямо на этом диване, купленном по скидке.

– Нет, нет, нет! – затрясла я головой, которую тут же позорно спрятала под пледом. – Этого не может быть. Не может быть… Я не могла так низко пасть.

Или могла?

Откуда мне знать?! Я никогда в своей жизни не пила ничего крепче вина и не больше одного бокала. А о количестве выпитого вчера мной алкоголя можно только догадываться, но даже примерные его подсчёты дают понять, что выпила я очень много. И, очевидно, мозг мой настолько упал на дно, что пришел к мысли о мести Вите. Но как среди того скопища мужчин в баре я откопала именно Кострова? Почему он? Почему не тот тип с бородавкой, чьи намерения попасть ко мне в трусы были более чем прозрачными?

Я решила не просто отомстить Вите за его женитьбу, но еще и себя наказать за что-то, переспав в пьяном угаре с Костровым?

Где ж я так провинилась-то, а?

– Ты опять там ноешь? – раздраженно спросил мужчина.

Судя по громкости его голоса и давления, что на меня оказывалось даже через ткань тонкого пледа, Костров был совсем рядом. Буквально нависал надо мной.

Я не ныла, но очень хотелось. Желательно при этом биться головой о стену.

Ладно. Я взрослый человек и за свои поступки должна отвечать, как взрослый человек.

Медленно стянув с головы плед, я сразу встретилась глазами с недовольным Костровым, который, оперевшись руками о спинку моего крошечного в сравнении с ним диванчика, смотрел на меня сверху вниз.

– У нас с вами всё было, да? – пискнула я робко.

– Что именно «всё»? Конкретизируй.

Разговаривает со мной так, будто преступника допрашивает.

– Ну, всё, – описала я в воздухе рукой круг. – Вообще всё…

– Например? – давил на меня своим авторитетом мужчина.

Не выдержав его прямого взгляда, позорно опустила глаза и уставилась на его обнаженный торс, испещренный шрамами. Наверняка, я коснулась каждого шрамика и задала кучу тупых вопросов из разряда «а в вас стреляли?».

– Ну… секс? – выронила я едва слышно и на секунду снова заглянула в серые глаза, в которых вспыхнула насмешка. – Не секс, да? Я просто сделала вам приятное ртом?

– Своим ртом, Маруся, ты точно ничего приятного мне не сделала, – откровенно смеялся надо мной Костров.

Конечно! Откуда мне, вообще, уметь делать приятное ртом?! Я ведь никогда не практиковалась в этом деле. И почему после всего, что между нами было, я до сих пор с ним на «вы»? Он-то не стесняется, тыкает. Ночью, наверное, тоже не стеснялся и тыкал, куда придется.

– Вам больно было? Поэтому у меня так кожа головы болит?

– Подожди… – нахмурился Костров. – Ты думаешь, что отсосала мне?

– Ну, зачем так грубо? – поморщилась я и снова спрята-

лась под пледом. – Просто… попробовала одну штучку.

Пока Костров тихо смеялся, я сгорала от стыда под пледом.

– Можешь расслабиться, Маруся. Свою… штучку я бы тебе ни за что не доверил на пробу. Учитывая твое вчерашнее состояние, ты бы играла с ним как кошка с дохлой мышью.

– Ничего не было? – резко села и сдернула с головы плед. – Совсем ничего?

– Ты, конечно, знатно пососала мои нервы, но штучку свою я тебе пробовать не давал.

– Фу-ух, – выдохнула я с облегчением. – Подождите, Михаил Захарович! А почему тогда я… ну, на мне… – указала я не себя, намекая на его футболку.

– Почему ты без трусов и в моей футболке? – спросил он в лоб, а я снова захотела спрятаться под пледом. Вместо этого молча и виновато кивнула. – Хрен тебя знает. Витюше какому-то мстила. Фитонциды мои грабила.

– Феромоны, – поправила я на автомате, кажется, начиная понимать, что творилось в моей голове, пока я не контролировала себя. – Простите меня, пожалуйста.

– Это всё охренеть как весело, но отдай мне мою футболку, – протянул Костров руку ладонью вверх.

– Да, конечно! – спохватилась я. Потянулась к краю футболки, намереваясь стянуть ее прямо здесь и сейчас, но вовремя остановилась, вспомнив, что кроме футболки на мне нет ничего. – Я… Мне нужно в ванную.

– Что я там не видел? Можешь и здесь снять.

– Вы видели меня голой?! – округлились мои глаза, а чувство стыда снова накрыло с головой. – И даже после этого вы будете утверждать, что между нами ничего не было?

– Слушай, Маруся, – наклонился ко мне явно раздраженный Костров. Поймал мой взгляд и жестко зафиксировал. – Я уже давно не пацан, чтобы при виде голой девки мой член дергался как карась на льду. Ясно? А теперь отдай мне мою футболку, и я поеду домой и нормально высплюсь без твоего плаксивого присутствия рядом.

– Простите, – снова опустила я стыдливо глаза. – Не знаю, что на меня нашло. Вернее, знаю, но не думала, что всё обернется так.

– Футболку, – сухо потребовал мужчина.

– Сейчас, – кивнула я, боясь поднять на него взгляд. Обернулась пледом, пряча ноги, и встала с дивана. Тут же поймала головокружение и потеряла равновесие. Если бы не рука Кострова, вцепившаяся в мой локоть, то упала бы я лицом прямо на свой самодельный камин. – Спасибо.

– Тебя и трезвую одну оставить нельзя? – хмуро спросил мужчина.

– Можно. Это я случайно чуть не упала.

Я могла бы тоже ему грубо ответить, но не в моем положении строить из себя принцессу.

Пристыженным щенком я скрылась в своей комнате, где по помятой постели поняла, что на ней-то Костров и спал.

Быстро переоделась в свою домашнюю одежду, надев предварительно самые целомудренные трусы, что у меня были. А такие у меня были абсолютно все, кроме того комплекта, который я надела вчера.

Собрала волосы в пучок на макушке, ужаснулась своему отражению. Нашла запасные очки и ужаснулась своему отражению еще сильнее. Никогда не думала, что моё лицо может становиться раза в три больше обычного. Как же много жидкости я в себя влила этой ночью!

– Вот, – вышла я из комнаты и отдала Михаилу Захаровичу его футболку.

Пока он одевался, я исподтишка смотрела на его торс и пришла в шок от обилия на нем шрамов самого разного размера. Без очков всё казалось не таким страшным, как с ними. А еще его торс имел рельеф. Красивый, если игнорировать шрамы. У Вити там, где должен быть пресс, было просто ровно и гладко.

– Что увидела, Маруся? – спросил Костров, оправляя на себе футболку.

– Ничего, – улыбнулась я натянуто, всё ещё стыдясь смотреть ему в глаза. – Просто пытаюсь понять, хороший вы воин или плохой.

– В смысле?

– У вас так много шрамов на теле. Мне просто стало любопытно: вы хорошо защищались и всё могло бы быть гораздо хуже, или вы слишком уязвимы и поэтому всё так?

– Я смотрю, тебе уже лучше? – хмыкнул мужчина. – Пока думаешь, квартиру проветри. От твоего перегара кактусы скоро сдохнут.

Кактусы… Сам-то колючий не хуже любого кактуса, а еще пушистиков моих обижает.

Но окно я, всё же, открыла. Честно говоря, выйдя из ванной комнаты, я тоже почувствовала эту вонь.

– А можно еще один вопрос, Михаил Захарович? – спросила я, пока он натягивал на себя свитер.

– Только быстро, – бросил он нервно, в очередной раз глянув на наручные часы.

– Если, как вы говорите, у нас с вами ничего не было, то почему у меня болит горло, кожа головы и содраны колени?

– Потому что ты блевала, Маруся, дальше, чем выдела. И единственное, за что я тебя трогал, это волосы, пока ты рыгала в унитаз. А колени у тебя в мясо, потому что нехер бухой на каблуках по лестницам бегать.

– Правда? – выдохнула я с таким облегчением, что снова закружилась голова.

– Что я тебе про карася говорил?

– Вы еще про кошку с дохлой мышкой говорили.

– Одна херня. Не было у нас ничего и не могло быть.

– Почему? – его интонация покоробила. Мог бы и более интеллигентно сказать, что я не ахти.

– Теперь тебя не устраивает, то у нас ничего не было?! – выгнул он бровь. – Раздевайся, исправим.

Грубиян!

– А как вы…? Почему вы оказались рядом со мной и у меня дома?

– Не поверишь, Маруся, – прошел он мимо меня в прихожую, где начал надевать верхнюю одежду. – Как раз с коллегами перемывал тебе косточки, а тут ты пьяная на барной стойке запела.

– Я пела на барной стойке?!

Хоть обратно под плед беги.

– И танцевала.

Кошмар!

– Михаил Захарович, а вы никому не расскажете?

– Прямо сейчас приеду домой и напишу большое сообщение в родительский чат, – ответил он невозмутимо. Надел ботинки, выпрямился и посмотрел на меня холодно сверху вниз. – Или лучше голосовое?

– Не нужно никому ничего рассказывать, – едва ли не расплакалась я. – Я больше так не буду.

– Точно? – спросил он строго-строго. Даже брови свёл так, будто они сейчас срастутся в одну.

– Точно. Никогда-никогда. Только не рассказывайте никому, а я клянусь, что больше не вызову вас в школу, даже если Артём будет вести себя хуже некуда.

– Ты реально думаешь, что я буду шантажировать тебя этой херней?

– Нет? – спросила я с надеждой.

– Ты не в школе набухалась. А то, как ты проводишь свое время вне работы, ни меня, ни кого-либо волновать не должно. Но в следующий раз бухай хотя бы с подружкой какой-нибудь. Не факт, что в следующий раз без трусов проснешься из-за того, что в душе помылась.

– Хорошо. Но я больше не буду.

– А это уже не моё дело. Но мне лучше больше не попадайся.

– Не буду. В смысле, пить больше не буду.

– Угу, – выдохнул мужчина устало, не имея ко мне более никакого интереса. Открыл дверь квартиры и, закрыв ее перед моим носом, не сказав ни слова, ушёл.

С подружкой! Точно! Она, наверное, там с ума сходит.

Зная себя, я точно не могла ей не позвонить. И звонила я ей, наверняка, в разных стадиях своего незапланированного опьянения.

Не в ладу со своими руками и дурной похмельной головой, кое-как нашла свой телефон в дебрях сумочки.

И… бинго! Тридцать семь пропущенных от Лены. О количестве сообщений в разные мессенджеры лучше вообще не говорить. Она меня точно убьёт, когда найдёт.

Желая успокоить и себя, и свою подругу, быстро набрала ее номер, приложила телефон в уху и начала извиняться уже до того, как пошли гудки.

– Прости, прости, прости…

После второго гудка кто-то позвонил в дверь. Сейчас Ми-

хаил Захарович скажет, что у нас на самом деле всё было и еще видео покажет… прямо в родительском чате.

Открыла дверь и сразу наткнулась на взъерошенную и запыхавшуюся подругу.

– Червонец, я тебе убью! – хваталась она за дверные косяки моей двери. – И хорош мне звонить. Тута я.

– Лена! – сложила я бровки домиком, готовясь к тому, что меня сейчас начнет отчитывать подруга, которой уже за тридцать, хоть и выглядит она как моя ровесница. – Прости меня, пожалуйста!

– Ну, что ты, – отмахнулась та нарочито небрежно. Прошла в прихожую и плюхнулась на пуфик, держась за бок. – Подумаешь, я из-за твоего звонка положила болт на то, что у меня овуляция, бросила мужа за сотни километров отсюда и примчалась на твоё спасение на собачьей упряжке. В прямом, блин, смысле на собачьей упряжке! Потому что в той экологически чистой деревне зимой до большой земли можно добраться только на собачьей упряжке или снегоходе. Снегохода я не нашла, зато собак там как в корейском гастрономе – бери любую.

– Прости, Лена, пожалуйста! Я знала, что у тебя очень важные выходные и поэтому не хотела звонить, но перебрала и, видимо, всё-таки, позвонила.

– Из твоего звонка и так было понятно, что ты обжеванная, – снимала Лену куртку и ботинки, отдавай мне поочередно свои вещи. – Меня напрягло только обилие мужских

голосов рядом и тот факт, что ты плакала. Надеюсь, они тебя на карусели не прокатили?

– Откуда в баре карусель?

– Оттуда! – передразнила меня Лена. – Вот пустила бы тебя дюжина мужиков по кругу, тогда бы ты и узнала, откуда в том баре могла взяться карусель. Ты чё, Маруська? Головой-то соображать надо, когда алкоголь заказываешь. Меру бы хоть свою для начала выяснила, прежде чем бухать в гордом одиночестве. Или меня бы хоть дождалась.

– Мне так стыдно, – поковыляла я за подругой в кухню, где она сама, прекрасно зная, что и где находится, налила себе стакан воды.

– Ну, давай, узник алкобара, рассказывай, только в это раз внятно, что произошло?

– Витя женится на другой, – всхлипнула я.

– Бог есть! – возвела Лена триумфально взгляд к потолку и снова посмотрела на меня. – Иначе я не знаю, как еще объяснить, что он отвел тебя от этого альфонса.

– Витя не альфонс. Просто ему сложно дается общение с новыми людьми.

– Ему сложно дается – соскочить с женской шеи. А с твоей он соскочил, когда ты стала училкой и начала зарабатывать меньше, чем тогда, когда ишачила на двух работах, пока твой драгоценный Витя искал себя. Кстати, а с каким таким мужиком ты уехала из того бара?

– А ты откуда знаешь про мужика?

– Ну, вообще-то, я сначала заглянула в бар, из которого ты мне звонила, а уже потом поехала к тебе. Бармен мне сказал, что тебя со стойки снял какой-то хмурый тип. Что за тип, Маруся?

– Это отец Кострова, – выронила я затравлено, точно зная, какая сейчас последует реакция.

– Костров?! Отец Кострова, который Костров?! Я ничего не путаю? Этот тот упертый баран, с которым ты постоянно бодаешься и которого терпеть ненавидишь?

– Угу, – поморщилась я и начала ногтем ковырять край стола.

Что я могу сказать? Всё именно так и настолько плохо.

– Маруся, ты хоть понимаешь, что он мент, и всё, что ты натворила, пока была невминько, он использует против тебя при первой же возможности?

– Он сказал, что ни его и никого вообще не должно касаться, как я провожу своё время вне работы.

– Ну, конечно! – всплеснула Лена эмоционально руками. – Он как истинный джентльмен заверил тебя, что у каждой женщины должен быть один маленький черный запой. А потом, я тебе гарантирую, – потрясла она указательным пальцем перед моим носом. – Он точно подложит тебе свинью и поднимет вопрос о твоей профпригодности, как только ты пикнешь против его сына.

– Лен, ну, пожалуйста, и так тошно. И стыдно. И плохо.

– У тебя с ним точно ничего не было?

– Точно… я не помню…

– А как по ощущениям? Входящие были? Пропущенные? – уже явно ехидничала подруга. – Ладно. Шучу. Не было и ладно. Будем считать, что у тебя был заслуженный отбухной. Ты же в свой выпускной не пила? Ну, вот – теперь догнала своих сверстников в развитии.

– По-моему, я фатально отстала.

– Это уже детали, – отмахнулась Лена и достала из моего холодильника салат с креветками, который я приготовила вчера вечер в надежде на то, что вечер мы с Витей продолжим в моей квартире. – Ты мне лучше расскажи, что там за история с женитьбой твоего додика? Он прям реально женится?

– Угу. Элла её зовут, – сгримасничала я, чувствуя, что чувство стыда очень быстро сменилось злобой.

– Так вот, что ты говорила! Я думала, ты кусок горячей картошки не дожевала. Элла, значит, ну-ну, – кивнув, Лена влезла в свой телефон, что-то набрала, полистала, а затем мне в лицо ткнула фотографией, на которой я сразу узнала Витю и кольцо на пальце другой девушки. Чертовски красивой девушки с русыми волосами. – Она?

– Я ее не видела ни разу. Я, вообще, только вчера узнала о ее существовании. Но, если Витя с ней, то это она.

– Вот она курица, – злорадствовала Лена, листая что-то в своем телефоне. – Прикинь, она больше полугода постила фотки о том, что у нее умерла бабка, а теперь постит фоточ-

ки с моря и дорогими шмотками, и пишет «спасибо, бабуля, за наследство». Ну, теперь понятно, почему твой Витюша так быстро женится. Наследство там, поди, немаленькое.

– Не демонизируй его, пожалуйста. Ты же знаешь, что я к нем чувствую.

– Этот Витя твой… – проворчала Лена, явно стараясь смягчить то, что она на самом деле о нем думала. – Знаешь что, подруга? – решительно вопросила Лена, нажевывая креветку. – Мужика тебе надо. Нормального. Такого немного грубого, чтобы только-только из пещеры был. Короче, полная противоположность твоему восковому Витюше. Да и где это, вообще, видано, чтобы мужик выглядел красивее своей женщины?! Нет, так не пойдет. Будем искать тебе горячего неандертальца с большой дубиной. Есть кто на примете?

– Нет. И так, как мне было хорошо с Витей, мне уже ни с кем не будет.

– Ну, если уж тебе с Витей было хорошо, то представь, как тебе будет охуенно с нормальным мужиком.

Пришлось строго взглянуть на подругу и дать ей понять, что этой темы я касаться не хочу, ибо она мне неприятна и болезненна. А еще я не люблю, когда в моем присутствии матерятся.

– Ладно, Маруся, ты права. Рано тебе еще нормального мужика заводить… во всех смыслах. Будем обходиться подручными средствами.

– В смысле?

– Не переживай. Я всё возьму в свои руки и передам в твои. Тебе понравится. По крайней мере, от Витюши ты уже не будешь в таком восторге после той волшебной палочки, что я тебе подарю.

– Что ты мне подаришь, Лен? Не нужно мне ничего больше дарить. Вы и так с Лёшей мне целую кухню на новоселье подарили. Хватит с вас подарков до конца моей жизни.

– Марусь, не пессимизди, а. Всё в рамках приличия будет.

Глава 6. Маруся

Понедельник – день тяжелый. Но еще ни один из моих понедельник не был отяжелен чувством стыда и страха перед предстоящим уроком у восьмого класса, в котором учится сын Кострова.

Я хоть и хотела верить в то, что Костров-старший сдержит своё слово и не расскажет сыну о том, в каком состоянии видел его учительницу, но, всё же, понимала, что никаких сдерживающих факторов для того, чтобы не рассказать эту историю, у Михаила Захаровича нет. К тому же, можно догадаться, что пьяная училка, вытворяющая всякого рода дичь, – это отличная история на ужин.

Звонок на урок уже прозвенел, длинный школьный коридор почти опустел, не считая проносящихся мимо опоздавших детишек, а я всё стояла у двери в свой кабинет и собирала имеющиеся у меня силы на то, чтобы войти и не выдать ни единой морщинкой, насколько мне будет больно, обидно и страшно, если весь восьмой класс засмеется в голос и станет тыкать в меня пальцем, попутно изображаю пьяниц.

– Ну, всё. Пора, – резко открыв дверь в кабинет, я нацепила на губы легкую улыбку, игнорируя мальчишек, которые чуть пригнувшись возвращались на свои места. – Здравствуйте, дети!

– Здравствуйте! – нестройное по классу.

Взгляд сам собой нашёл Кострова, которого я сама же еще в начале года пересадила за первую парту прямо перед собой, чтобы было проще отслеживать его шалости. Теперь же, глядя в серые глаза точь-в-точь как у его отца, мне хотелось запрятать мальчишку на заднюю парту, поближе к обезглавленному Кондратию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.